

ДИАГНОЗ

«Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели». Так писал русский философ Иван Ильин в предисловии к своему известному труду «О сопротивлении злу силою». Печально, что спустя семьдесят лет эти строки все еще остаются для нас актуальными, и может быть, даже более актуальными, чем ранее.

К сожалению, мы слишком упрощаем картину нашего духовного кризиса, полагая, что виной всему — тлетворное влияние чуждых западных идеологий. Однако, как показывает нынешняя действительность, печальный опыт минувших десятилетий так ничему нас и не научил: национальное самоубийство продолжается, и даже с еще большей интенсивностью. Какой же смысл тогда во всех этих патриотических стенаниях, если они не приводят ни к чему положительному? Поэтому резонно задать вопрос: а не являемся ли и мы, радетели русской державности и православия, носителями той болезни, которую приписываем исключительно нашим оппонентам-западникам? В основном мы только и делаем, что мечтаем спасти «Святую Русь», мечтаем — и не более того. Но какова цена всем этим благородным помыслам, коль наши державники постоянно проигрывают таким, казалось бы, недалеким и жалким противникам, как упоминавшиеся западники? Несмотря на свой патриотический пыл, на деле мы оказываемся слишком плохими борцами, и после каждой неудачи забиваемся в свой угол, «умывая руки» и проклиная врагов, даже не задумываясь над тем, что с нас «икто не снимает ответственности за поражение, которое к тому же еще является и позором для истинных борцов. Похоже, что нынешние державники-патриоты опять готовятся пережить очередное бесчестье, предпочитая его достойной смерти.

Итак, хватит ли нам мужества бесстрастно взглянуть на самих себя и сказать о себе то, чего мы достойны услышать? Именно от этого зависит сейчас будущее страны, в верности которой мы все так горячо клянемся.

1

Говоря о причинах развала Союза, патриоты обычно ссылаются на следующие факторы: деятельность западных спецслужб, разрушительную работу «пятой колонны», предательство некоторых «ответственных работников», понижение морального уровня общества и забвение патриотических идеалов. И при этом не многие задаются вопросом о самом существенном, а именно, о том самом державном духе, который является подлинным источником национального могущества. Ведь внутреннее, духовное состояние всегда адекватно внешнему, и если иссякли силы, скрепляющие национальное единство, то стоит ли удивляться социальному распаду?

Правда, патриоты на это возразят тем, что ни они сами, ни русский народ никогда не утрачивали державного духа, и если бы не тлетворное влияние космополитической «интеллигентщины» и ее западных вдохновителей, то с Российской Державой (с которой иногда вольно или невольно отождествляется Советский Союз) было бы все в порядке. То есть сами патриоты считают себя полноценными носителями державного духа. Впрочем, то же самое утверждают и их противники, полагая, что именно их оппоненты из патриотического лагеря являются источником имперских поползновений. Такое мнение складывается, как мы понимаем, в силу формальной приверженности русских патриотов великодержавным принципам.

Однако каждый из нас хорошо понимает, что формальная приверженность еще ни к чему не обязывает. Можно, например, восхищаться гениальностью и при этом не создавать ничего гениального, хотя бы по причине отсутствия надлежащих способностей. Сотня бездарных художников не создаст шедевра, а сотня бездарных политиков не создаст Империи. Так что восхищение и приверженность — не главное. Кроме того, то, что принимается рассудком, может отвергаться духовно. Ведь те же бездарности считают своим долгом почитать признанных гениев прошлого, и в то же время третируют непризнанных гениев настоящего, ибо в глубине души не выносят всего гениального как такового. Поэтому, формально восхищаясь великими художниками, поэтами, учеными и политиками, они на деле будут делать все возможное, чтобы вокруг них расцвела исключительно одна лишь посредственность.

Таким образом, формальная приверженность может запросто вступать в противоречие с глубинными установками, отражающими подлинную духовную сущность конкретного человека. Например, многие ценители искусства восхищаются красотой православных храмов и икон, будучи при этом абсолютными безбожниками. Тем не менее создатели этих чудных вещей, которыми ныне восхищаются безбожные эстеты, творили свои шедевры под непосредственным влиянием благодати. Не было бы веры, не было бы этой божественной красоты храмов и икон. Однако упомянутые ценители искусства, распространяя и поддерживая безверие, только способствуют тому, чтобы божественная красота в искусстве не возобновлялась. Поэтому, как бы эти безбожники ни восхищались творчеством религиозно одержимых мастеров, в **ДУХОВНОМ** плане они будут весьма далеки от них, мало того, даже враждебны им.

В политике и идеологии может быть то же самое. Рассудочные апологеты державности духовно могут сильно отличаться от тех, кто когда-то собственными усилиями создавал державу,— а потому на деле будут подтачивать державные основы, даже не подозревая о том.

Теперь, учитывая только что сказанное, переходим к главному вопросу: являются ли современные русские патриоты **державниками по духу** (а не по рассудку)? Иными словами, насколько они духовно родственны нашим далеким предкам — реальным творцам Державной России,— которыми они столь часто восхищаются и к которым постоянно апеллируют? Если их апелляции совершенно искренни, значит патриоты осознают себя духовными преемниками своих державных предков и не должны считать их в чем-то морально ущербными. Согласитесь, что невозможно выбирать в качестве примера для подражания тех, кого ты считаешь недостойным себя самого. Это значит, что предки и их сегодняшние преемники в лице патриотов в духовном плане должны быть совершенно адекватны друг другу. Державный дух должен в одинаковой степени характеризовать и тех, и других. В противном случае преемство будет ложным, а потому и «державность» современных русских патриотов будет исключительно рассудочной.

Чтобы ответить на поставленный вопрос о духовной сущности нынешних державников, необходимо прежде всего выяснить, какова сущность самого державного духа, а также какова сущность того, что державным духом не является и даже абсолютно ему противоречит.

2

Боюсь, что здесь я могу в чем-то повториться с Львом Гумилевым. Как показал этот выдающийся мыслитель, у истоков всех великих цивилизаций стоят особые натуры — энергичные и жертвенные, которых сам Гумилев называл «пассионариями». Именно благодаря их, по сути дела подвижнической, деятельности в обществе создается что-то великое, достойное восхищения. А что такое великая цивилизация, как не та же держава? Стало быть, истинные державники по духу своему должны быть именно гумилевскими «пассионариями», во всяком случае, во многом на них походить. А основная черта «пассионария», по Гумилеву, — это **жертвенность**, то есть способность бескорыстного отречения от своих личных преходящих интересов во имя каких-либо высших целей. Если понимать «пассионарность» именно в этом аспекте, то это будет не что иное, как **ПОДВИ**

ЖНИЧЕСТВО

в его чистом виде. Таким образом, любая держава является закономерным результатом подвижнической деятельности, а по существу — воплощением некой **идеи**,

служение которой воспринимается как высший смысл существования. Именно на этом поприще выражает себя державный дух.

Коротко сущность державного духа можно обозначить как **экспансию**, или волю к **расширению**

и

утверждению.

Становление любой державы — это всегда выход вовне, за локальные, «местные» границы. Так, маленький город Рим, подчиняя соседние города и народы, постепенно становится центром огромной империи. Или, например, небольшое Московское княжество, расширяя свои владения, становится в итоге могучим государством — Россией. Впрочем, много примеров приводить не нужно, ибо все это многим хорошо известно. Главное, на что нужно обратить здесь внимание, — это соответствие между видимыми социальными процессами и процессами невидимыми, психическими. То есть каждый человек, обладающий качествами подвижника, или «пассионария», стремится инстинктивно вырваться за пределы обыденных границ, перешагнув через порог известного и предсказуемого: путешественник стремится попасть в

неизвестные

земли, воин стремится сразиться с

незнакомым

противником (то есть с таким, с которым он еще не сталкивался), мыслитель стремится постичь глубокие

тайны,

художник стремится творить

новые

образы, политик стремится испытать себя в рискованном предприятии (то есть опять-таки на поприще чего-то **неизвестного**).

И когда народ, пусть даже очень небольшой, настроен на этот лад, он с успехом преодолевает свою «фольклорную» ограниченность и становится создателем новой державы, распространяя свое влияние на окружающие «малые» народы и подчиняя их своей державной воле.

Чем отличается «малый», недержавный народ от народа «большого», державного? Как раз именно тем, что стремится жить в пределах известного, знакомого и предсказуемого. Для «малых» народов нет большой родины, — «свое» для них — только то, что может быть воспринято непосредственно, чувственно, визуально, «контактно», — то, что всегда находится в пределах личной «достижимости». У «большого» народа иная шкала измерений. Только «большой» народ способен понимать «свое» сквозь призму духовного, идеального: «свое» — это все то, что причастно идее, которой он служит и которую стремится воплотить в жизнь. «Своим» может быть даже то, с чем ты никогда непосредственно не соприкасался, но с которым ты неизменно ощущаешь невидимую связь благодаря духовному единству. Именно на этой почве возникает чувство большой родины. Способность преодолевать границы чувственной данности — вот что в первую очередь отличает «большой», державный народ от народа «малого», или «гомеостатичного» (по терминологии Льва Гумилева).

Итак, духовный импульс державности выражается в стремлении выйти «за», вовне: люди покидают дома, насиженные места, чтобы столкнуться с неизвестным, расстаются с привычным и понятным, чтобы постигнуть тайное, оставляют малую родину, чтобы обрести большую. Только так реализуется державный дух, точки приложения которого могут быть весьма различными. Но при этом неизменным остается одно — экспансия, расширение. Следовательно, противоположная державности тенденция — это, наоборот, возвращение к малому, вхождение в пределы известного и предсказуемого, погружение в чувственное, эмпирическое измерение. Это отказ от тайного во имя понятного и очевидного, это обретение малой родины взамен большой. И вместе с тем — это отказ от подвижничества, предпочтение личных интересов высшим целям. В общем, антидержавность в «чистом» своем проявлении есть типичное **филистерство**, то есть мелкий эгоизм с оттенками конформизма. Подвижник руководствуется соображениями

долга,

филистер — соображениями

эмпирической

пользы. Первый стремится вырваться за рамки обыденного, общедоступного опыта — в целях максимально возможной реализации возложенных на себя обязательств. Второй стремится к маленькому замкнутому «счастью», используя для этого наиболее подходящие средства. И если держава начинается с подвижников, то заканчивается

она, как это убедительно показал Лев Гумилев, на филистерах. Поэтому, чтобы «просчитать», каковы перспективы того или иного государства или народа, достаточно обратить внимание на господствующие там общественно-политические и этические идеалы.

Когда народ и государство находятся на стадии державного подъема и укрепления, особым почетом и уважением начинают пользоваться великие и непревзойденные личности: божественные цари, великие вожди, великие религиозные подвижники, великие гении, наконец. Одним словом, все те, кто так или иначе олицетворяет уровень «выше среднего», то есть нечто необычное, из ряда вон выходящее и неповторимое. И наоборот, когда народ и государство движутся к упадку, на общественно-политическую авансцену выбирается «средний человек» — совершенно безликий и невыдающийся, некий усредненный идеал, образное воплощение жизненных интересов доминирующей части «граждан». Короче говоря, символом державного подъема является **великая личность** (т

о есть собственно личность), в то время как символом державного упадка является **безликая посредственность**.

И это несколько неудивительно, ведь «большой» народ в сравнении с «малым» — все равно что гений в сравнении с бездарностью. Поэтому «большие» народы — это именно народы-гении, народы-«личности», тогда как «малые» народы всегда безлики, всегда посредственны и бездарны. Гениальность же есть особая форма подвижничества, поскольку требует подчинения личных прозаических интересов более высоким целям, ради которых истинный гений готов принести в жертву даже свое маленькое «счастье», которое обычно всегда так дорого посредственностям.

Из сказанного следует, что державный распад возникает в результате стремления большинства индивидов к локальному, замкнутому существованию — исключительно в условиях чувственно воспринимаемых связей. Все, что выходит за рамки непосредственного опыта и личных интересов вызывает у таких индивидов чувство полного безразличия. Так рушатся духовные связи, скрепляющие державный народ в монолитное целое, и утрачивается понятие большой родины. В общем, это есть прямой путь в «малый» народ.

Поэтому первым симптомом ослабления державного духа будет появление — в искусстве или философии — образа «среднего человека», стремящегося к своему маленькому земному «счастью». Сам по себе этот образ, конечно же, не представляет опасности, поскольку является всего лишь отражением соответствующей духовной тенденции. Однако при усилении последней он грозит превратиться в некий «неофициальный» общественный идеал, на уровне подсознания закрепляя определенные поведенческие стереотипы и, таким образом, оказывая влияние на

общий моральный климат в стране. А рано или поздно какой-нибудь идеолог создаст на этой почве целую философскую доктрину, после чего обществу навсегда будет закрыт путь к державному величию прошлого.

3

Выше мы говорили о том, с чего начинается держава вообще, теперь же поговорим о том, с чего начиналась державная Россия. Точнее было бы сказать «с кого», а не «с чего», потому что у истоков создания любого государства стоят живые люди, личности.

Итак, какого **типа** личности положили начало Российской Державе? На мой взгляд, своим рождением Россия обязана не деловым навыкам Ивана Калиты (как думают некоторые патриоты-«славянофилы») и не тоталитарным принципам ордынских ханов (как думают патриоты-«евразийцы»), а исключительно духовному подвигу русских православных подвижников. Сергей Радонежский — вот кто подлинный отец-основатель Российской Державы. Казалось бы, нет ничего более далекого друг от друга, как уединенная духовная брань подвижников-аскетов и сугубо мирское дело государственного строительства. Однако ведь любое начинание свершается вначале в духе и лишь потом воплощается на земном уровне. Православные подвижники утверждали определенный духовный идеал, который в итоге давал жизнь и чисто мирским начинаниям. Подвижники давали пример, давали жизненный ориентир, побуждали к духовным дерзаниям как таковым. Суть же православного подвижничества заключалась в отречении от узких своекорыстных интересов и подчинении себя высшим целям. Это был **предельный** отказ от всего индивидуального, «личного» — всего того, из чего составляется маленькое «счастье» обычного человека, обывателя, филистера. На такое могли решиться только люди, поистине великие духом. И только благодаря их примеру подвижничество само по себе становилось нормой жизни, наиболее достойной формой существования.

Самим православным аскетам не обязательно было устраивать мирские дела, организовывать хозяйственную жизнь, воевать или заниматься дипломатией. Однако силой своего примера они побуждали к ревностному исполнению всего этого тех, кто обязан был заниматься такими делами по своему долгу и роду службы. Видя перед собой этот пример, бояре преодолевали свой ничтожный эгоизм и стремились подвизаться на своем мирском поприще — поприще войны и государственного строительства. Точно так же и простой русский мужик, крестьянин, научаемый примером подвижника, спокойно переносил жизненные трудности, осознавая необходимость возложенного на него бремени. В общем, православные аскеты

взращивали в русском народе дух жертвенного служения высшим и непреходящим идеалам, чем, собственно, способствовали сплочению русских в «большой» народ, способный на свершение подвигов во имя высших целей. Так, судя по всему, в русском народе было закреплено одно выдающееся и характерное качество — способность действовать «за идею», идя при этом на серьезные жертвы. Стоит ли говорить о том, что только это качество (в наше время значительно утраченное) было основой нашего национального могущества. Не какие-то особые интеллектуальные и тому подобные преимущества, а именно готовность русских (во всяком случае определенной их части) пожертвовать собой «за идею» была подлинным и единственным источником нашей силы и сплоченности. И начало тому положили, как я уже сказал, православные подвижники, давшие обществу примеры крайнего, предельного самоотречения.

Ситуация стала меняться к худшему после того, как идеал православного аскета стал вытесняться идеалом «культурного человека», или прилежного гражданина, формально преданного государству и Православию, но воспринимающего и то и другое как некий гарант своих личных интересов и спокойного, «счастливого» земного существования. Это нужно подчеркнуть особо: не идеал бунтаря и нонконформиста, ниспровергающего все устои, а именно идеал тихого обывателя, или «среднего» человека, почти ни на что не претендующего и в то же время почти ни к чему не стремящегося,— стал поистине бомбой замедленного действия в основании российской государственности. Русский народ был знаком с образом упомянутого бунтаря задолго до появления наших славных революционеров. Таким бунтарем был сам сатана, падший ангел, но это был отрицательный персонаж, который у народа вызывал соответствующую реакцию. Губительность же «прилежного гражданина» как раз и заключалась в том, что он, с одной стороны, не соответствовал примерам отрицательного, «запретного» поведения, но, с другой стороны, являлся полной противоположностью подвижника. Стало быть, в целом он мог быть воспринят как персонаж положительный, во всяком случае такой, к которому нельзя было предъявить каких-либо серьезных претензий. И учитывая тот факт, что русская литература сконцентрировала все свое внимание именно на этом персонаже, можно себе представить, насколько должны были измениться жизненные нормы к эпохе расцвета Российской Империи.

С точки зрения современной морали какой-нибудь чеховский дядя Ваня — персонаж вполне приемлемый и в определенной степени даже достойный подражания. Но дело в том, что русские воспитывались на других примерах. И уж конечно же, не рассказы Гоголя или Чехова, а многочисленные «Жития святых» способствовали величию и процветанию русской нации. Нужно учитывать, что между подвижничеством и так называемом законопослушничеством (в указанном здесь варианте) существует весьма существенное различие. Подвижничество — это дерзание свободной воли, то есть подвижник действует без принуждения, по собственному выбору, руководствуясь позывами собственной совести. Что касается «законо-послушничества», то в данном

случае оно является результатом исключительно внешнего принуждения, когда человек смиряется с обстоятельствами по чисто меркантильным соображениям. Это значит, что в отличие от подвижника, «законопослушник» абсолютно не руководствуется позывами собственной совести и готов смириться с любой силой, будучи абсолютно безразличным к ее подлинной сущности. Подвижник выполняет долг, «законопослушник» — приспособливается к внешним условиям. Смирение первого абсолютно не похоже на смирение второго. Первый из смирения решается на смерть, второй, наоборот, смиряется из страха перед смертью. В общем, «законопослушник» — это типичный филистер, и неудивительно, что образ «прилежного гражданина» совершенно противоречил духовным установкам православной традиции, да и державному духу вообще. Поэтому распад Российской Империи был вполне закономерен, и глупо было бы по этому поводу всю вину валить на внешних врагов России и их «внутренних» пособников из числа бунтарей. Предательство совершили не только революционеры, но и упомянутые «законопослушники»: если первые перестраивали общество, то вторые перестраивали свои отношения к новой власти и новой идеологии, идя путем наименьшего риска.

Давайте только представим, что сделал бы народ во времена Ивана Грозного с безбожными бунтовщиками, посягнувшими на Самодержавие и Православную Церковь. Наверняка отказался бы подчиняться подобной власти и ухватился бы за топор. Однако в XX веке ситуация была совершенно иной: ни у Самодержавия, ни у Православной Церкви так и не нашлось достаточного количества достойных защитников, способных ради исполнения долга пожертвовать своим благополучием и своей жизнью. Даже имевшие место стихийные выступления народа были спровоцированы чисто материальными причинами — продрозверсткой, циничной политикой новых властей и т. д. Белое Дело по духу своему вообще было не русским, а скорее всего либерально-европейским, а потому быстро превратилось в фарс (умереть за «Святую Русь» решились далеко не все — спокойная жизнь в эмиграции для многих «непримиримых» патриотов России оказалась предпочтительнее смерти).

Впоследствии данный сценарий — но уже с меньшим трагизмом и с большей комичностью — был воспроизведен в Советской Империи: банда беспринципных рвачей беззастенчиво разворовывает государство (которое больше семидесяти лет не могло просуществовать ни при каком раскладе, — учитывая, на каких гнилых основах оно создавалось), а в это время «прилежные граждане» решают проблемы **приспособления** к бурно меняющимся «новым» общественно-политическим и экономическим условиям. И вот на этом весьма неутешительном фоне русские патриоты заводят свои разговоры о восстановлении Российской Державы. Поэтому теперь вернемся к самим державникам и посмотрим, какой личностный тип они олицетворяют.

4

Тот факт, что у истоков новой Российской Державы (пока только воображаемой) стоят не православные подвижники, а всего лишь общественно-политические деятели слишком «мирского» склада, говорит о многом. Ведь по фундаменту можно судить и обо всем здании, о его прочности и величине. Русские патриоты, конечно же, не претендуют на роль святых отцов, однако по логике вещей должны в первую очередь отстаивать идеалы подвижнического самоотречения, без которых, как было сказано, не мыслимо державное строительство. И вот тут-то наши патриоты-державники обнаруживают совершенно иные духовные установки, которые никак не вяжутся с их державными симпатиями.

Начнем с того, что русские патриоты, несмотря на их формальный «милитаризм», совершенно **искренне** отрицают любые формы **военной экспансии**. Отрицают по чисто моральным соображениям. То есть все военные захватчики в их глазах всегда являются злыми оккупантами, достойными всяческих порицаний. Как мы понимаем, это существенно противоречит подлинно державным принципам, поскольку любая держава создается исключительно при помощи вооруженных сил. Поэтому, чтобы хоть как-то разрешить данное противоречие, патриоты создали миф о «мирном» расширении Российской Империи, не имеющей якобы ничего общего с обычной военной оккупацией. Россия, дескать, была

вынуждена

воевать со своими соседями — во избежание захватнических акций с их стороны. Помыслить что-либо иное на этот счет патриотам представляется прямо-таки кощунственным.

На этой почве как раз и возникла известная полемика между патриотами и их традиционными оппонентами — западниками. Все заявления последних об агрессивной внешней политике России патриоты пытаются парировать упомянутым тезисом о вынужденном характере всех наших завоеваний. Внешне это очень сильно напоминает оправдание. А оправдание, как известно, всегда зиждется на чувстве **вины**. Выходит, что патриоты и впрямь считают военную оккупацию чем-то аморальным и позорным. В противном случае они воспринимали бы все выпады своих идейных противников не иначе, как

комплимент.

Истинный державник вряд ли будет испытывать неловкость от господских притязаний своей нации, наоборот, он будет только приходить в восторг от подобных фактов. Разве можно стыдиться того, что олицетворяет силу и могущество? Но если патриоты пытаются дать «особую», «нравственную безупречную» мотивировку русского имперского строительства, то, стало быть, они ни в коем случае не хотят видеть свой

народ в роли завоевателя, поскольку с точки зрения патриотов завоеватель есть абсолютно аморальный тип, никак не согласующийся (якобы) с принципами традиционной русской этики.

Столь нарочитая «гуманизация» наших духовных основ весьма красноречиво свидетельствует о мироощущении русских патриотов, которое, судя по всему, имеет мало общего с мироощущением действительных строителей Российской Державы. Стремление приписать российским завоевательным акциям вынужденный характер отражает слишком «розовое» восприятие исторической действительности. Дело в том, что все великие цивилизации создаются, если хотите, «вынужденно». Каждый народ всегда вынужден делать выбор между двумя возможностями: быть завоеванным или быть завоевателем. И тот народ, который решает эту дилемму в пользу последнего, становится в итоге **великим народом**. Так что российский «вызов» на вражеские выпады соседей не является чем-то характерным именно для нашей истории. Давайте представим, что было бы с Англией без ее военного флота. Безусловно, она превратилась бы в колонию Франции или Испании. А что было бы с той же Францией или Испанией без их военных инициатив? Только колониальное существование. А что было бы со всей Европой без ее агрессивных устремлений? То же самое. «Хочешь мира — готовься к войне» — так, кажется, говорили древние римляне. Россия завоевывала, чтобы не стать завоёванной — это совершенно естественный процесс. И здесь вполне можно обойтись без всяких «гуманистических» натяжек, ибо любой народ знает только два состояния — расширения и сужения. Поэтому пока русские были здоровыми и сильными, они вполне естественно расширились; после того, как их силы и здоровье были подорваны, наступила опять-таки естественная фаза сужения.

Однако наши патриоты рисуют картину совершенно иначе: существовал совершенно безобидный, миролюбивый и трудолюбивый народ, которому агрессивные соседи мешали спокойно жить. Так что русским ничего другого не оставалось, как в целях безопасности перейти в наступление. В результате и родилась Российская Держава, основная задача которой сводилась будто бы к тому, чтобы защищать все входящие в Империю народы от возможных посягательств на их жизнь и свободу.

Весьма примечательно, что русские патриоты-державники мыслят в унисон с «малыми» народами. Ведь никто так не ненавидит завоевателей, никто так не трепещет перед внешней агрессией, как именно «малые» народы, любая война для которых — это прежде всего освободительная война. И никто, кроме «малых» народов, не ссылается на вынужденность своих военных акций, напирая при этом на свое миролюбие и безобидность.

Как уже говорилось выше, «малый» народ — это народ-филистер, который безудержной экспансии предпочитает спокойное, тихое существование в замкнутом пространстве, где возможно наслаждение маленьким земным «счастьем». Не эту ли парадигму отстаивают русские державники? И не является ли их особая интерпретация русской истории всего лишь символическим отражением собственного душевного настроения? Рассмотрим это по-подробнее.

5

Ни для кого не секрет, что историю всегда пишут в угоду вполне определенным идеологическим постулатам и в соответствии с той или иной системой ценностей. Либералы, например, видят историю иначе, чем, скажем, фашисты. Так что некоторые «общепризнанные» исторические события могут лишь свидетельствовать о душевном настрое тех, кто эти события признает. Этот закон распространяется и на русских патриотов-державников, привыкших с пафосом заявлять о нашей многовековой борьбе за свободу.

В свое время Лев Гумилев писал, что версия о так называемом монголо-татарском иге стала общепризнанной лишь в послепетровскую эпоху, то есть именно тогда, когда это самое «иго» мало кого должно было волновать в силу своей неактуальности. Тем не менее всеобщее принятие этого неоспоримого «факта» свидетельствовало о многом, в первую очередь о том, что русским почему-то стало приятно г дознавать себя завоеванным, униженным народом — пусть даже в далеком прошлом. Дело дошло до того, что об «иге» стали говорить с неподдельным воодушевлением: вот, мол, как нам пришлось пострадать, такие мы несчастные, такие униженные. Однако парадокс заключается в том, что во времена предполагаемого «ига» отношение к противнику было совершенно иным, как, впрочем, и интерпретация собственной участи. Так, в «Слове о погибели земли Русской» монголо-татарское нашествие выставляется как справедливая Божья кара за грехи. То есть современники всех этих событий относились к ним совершенно иначе, чем их далекие потомки. Последние всю вину свалили именно на **захватчиков**, представив русский народ как невинную жертву вооруженной агрессии.

Данное смещение акцентов весьма красноречиво. Во всяком случае, оно свидетельствует о существенных изменениях мироощущения русского человека. Если когда-то захватчик воспринимался исключительно как «поганый», то есть как нехристианин, имевший наглость вторгнуться в пределы Святой Руси, то с момента вхождения России в «культурный мир» захватчик стал восприниматься уже как

оккупант, поработитель, посягнувший на спокойствие и свободу. Отсюда и изменение самого отношения к войне, которая стала трактоваться не как **противостояние** светлых и темных сил, а как

борьба за свободу и независимость.

Иначе говоря, война оправдывалась постольку, поскольку она была **освободительной**

войной. Войны оккупационные, как уже было сказано, оценивались явно негативно.

Именно по этому шаблону строилась официальная версия русской истории с ее неизменным монголо-татарским «игмом» и последующим героическим освобождением от него. Хотя на самом деле здесь имело место не «освобождение», а как раз **завоевание**, когда

небольшое Московское княжество стало активно распространять свое влияние и утверждать собственную власть, сокрушая при этом сопротивление как ордынских ханов, так и многочисленных русских князей. И только сентиментальные историки XIX и XX веков усмотрели в этом державном расширении великороссов «освободительную борьбу» против монголо-татарского господства. Неудивительно, что эту же версию насаждала и советская идеология, несмотря на ее особые симпатии ко всем темнокожим расам, о репутации которых большевики проявляли всяческую заботу. Однако данная версия о монголо-татарском «иге» вполне соответствовала основным постулатам марксизма, согласно которому борьба за свободу и независимость является самой что ни на есть позитивной тенденцией. Трактую русскую историю в данном ключе, большевики в конце концов добились полной перестройки нашего национального самосознания, в результате чего русские утратили облик народа-державника и превратились в заурядных представителей автохтонной расы, ничем существенно не отличаясь в этом качестве от типичного «малого» народа. Этим же объясняется и неприятие советскими историками так называемой «норманистской» теории, которая сильно противоречила «автохтонному» патриотизму большевиков. Ведь согласиться с «призванием варягов», значит подвергнуть сомнению идеалы освободительной борьбы, а также в положительном свете выставить военных оккупантов. Все это, как мы понимаем, слишком расходилось с идейными установками советских идеологов.

Нельзя сказать, что именно большевики работали над изменением нашего самосознания. Речь идет о вполне закономерном процессе, в котором большевистская пропаганда является всего лишь заключительным (судя по всему) этапом. За шесть столетий русское самосознание совершило грандиозный переход от позиций державного патриотизма к патриотизму «автохтонному». Большевики оказались наиболее яркими выразителями последнего, однако признаки «автохтонизма» явственно обнаруживаются уже в XIX столетии. Еще во времена Петра Первого русские оставались типичными державниками. Существенные коррективы внесла Отечественная война 1812 года, где впервые отчетливо прозвучал мотив освобождения. Даже знаменитая освободительная борьба Минина и Пожарского по истоку своему весьма

далека от классической «народной» войны, поскольку была спровоцирована не столько самими оккупантами, сколько изменниками из числа своих же соотечественников. Однако Отечественная война велась по иным канонам. И пожалуй, самой примечательной деталью этой войны было активное использование *партизанской* тактики, для чего даже создавались вооруженные отряды народных ополченцев, действовавших в тылу противника (против этого, кстати, первоначально возражал сам император Александр I). Ведь партизанская тактика, как известно, характерна исключительно для автохтонных, или «малых» народов, воюющих за свою «свободу и независимость». Самое же примечательное то, что роль партизан, как правило, очень сильно преувеличивают. И это касается не только Отечественной войны 1812 года. Такое благоговение перед «народными мстителями» можно понять, поскольку они являются живым символом характерного душевного настроения и олицетворением основных этических принципов «автохтонного» патриотизма.

Особенно отчетливо «автохтонные» мотивы прозвучали в учении славянофилов, основные идеи которых так или иначе отразились на официальной, «казенной» идеологии второй половины XIX столетия. Уже сама идея «славянского братства» явно противоречила русским великодержавным принципам, поскольку малые славянские народы (как это убедительно показал Константин Леонтьев в своем труде «Ви-зантизм и славянство») нисколько не соответствовали господскому, державному типу. Фактически это означает, что данные народы должны были бы влиться в Империю не как «братья», а как подчиненные этносы, и только на таких началах строить свое отношение с великороссами. Но, уравнивая себя с «братьями», русские снимали принципиальное различие между «большими» и «малыми» народами, невольно относя себя к категории последних. Знаменитая Балканская компания, которой восхищаются современные русские патриоты, велась уже под знаменами «автохтонного» патриотизма, поскольку трактовалась как «освободительная» война. К сожалению, мы до сих пор не оценили должным образом степень разлагающего влияния подобных войн на состояние державного духа. И может быть слишком сильные увлечения русских всякими «освободительными» миссиями оказали на нашу духовность более тлетворное влияние, нежели увлечения западными теориями. Во всяком случае, отнюдь не случаен тот факт, что после борьбы за свободу наших «меньших братьев» славян началось (спустя несколько десятилетий) бурное «освобождение» якобы «угнетенных» народов Российской Империи. Большевик Ленин, собственно, ничего нового не изобрел, когда сформулировал принципы своей национальной политки. Принципы как таковые были уже сформулированы задолго до прихода большевиков к власти. И сформулированы они были ни кем иным, как самими русскими патриотами, которые по большому недоразумению полагали себя державниками.

Подобное сочетание державной эстетики и «автохтонной» морали делало внешнюю политику имперского правительства ужасно противоречивой и двусмысленной, а проще говоря — совершенно абсурдной. Это, как мы понимаем, не могло не привести к

трагической развязке. Разве не была абсурдной мотивация вступления России в антигерманскую коалицию? Несмотря на внешне «империалистический» характер Первой мировой войны, Россия начала ее под лозунгом защиты несчастных братьев славян от злобных агрессоров в лице германской военщины. Трагедия великой нации часто вырастает из таких вот «мелочей», которые на самом деле свидетельствуют об утрате духовной ориентации. Именно эту ориентацию и потеряла Россия накануне революции. Результаты не заставили себя ждать.

Антиимпериалистическая пропаганда большевиков снимала указанное противоречие и разрешала абсурдную ситуацию в пользу той духовной тенденции, которая подспудно вызревала в обществе уже в течение целого столетия: «Домой, в уютный мир малой родины, в атмосферу тихого земного счастья!» — вот чего жаждала теперь душа русского человека, и большевики умело воспользовались этим настроением. Справедливости ради необходимо отметить, что развал Империи подготовили не только они. Я уже сказал, что большевики не были новаторами по части создания основополагающих принципов своей национальной политики. В самом деле, если «братья сербы» имеют полное право на независимость и свободу от германского империализма, то почему бы такое право не признать, скажем, за «братьями малороссами» или за «братьями грузинами»? Большевики лишь довели до логического завершения те идеи, которые заключала в себе «миролюбивая» политика последних российских императоров. Разговоры о моральных преимуществах русского империализма над германским — не более, чем навязчивая риторика в духе сентиментального славянофильства. Политика, как известно, оперирует схемами, а не сердечными излиями. А схема во всех случаях была единой: долой империализм как принцип! На это неосознанно и «застенчиво» намекал император Николай II, и об этом же, но уже откровенно и совершенно осознанно, заявил впоследствии большевик Ленин.

Далее, легендарное Белое Дело таило в себе ту же двусмысленность, ту же нестыковку эстетики и морали, как и в случае с Первой мировой войной. С одной стороны, по форме это было типично реакционное движение, направленное на восстановление свергнутого режима. С другой стороны, все это проходило под лозунгами «освобождения» страны от так называемого большевистского ига. При этом сподвижникам Ленина прямо инкриминировалась тайная связь с германским империализмом и даже намерение реставрировать монархию! Как видим, антиимпериалистический пыл был присущ не только большевикам. Логика же, как всегда, оказалась на стороне последних, которые, умело воспользовавшись ситуацией, постарались превратить войну гражданскую в войну освободительную (я бы даже сказал — национально-освободительную).

Неудивительно, что за годы правления большевиков «автохтонный» патриотизм стал восприниматься как партиотизм вообще, и не только апологетами коммунизма, но и ярыми противниками советского режима. Любой внешний враг рассматривался теперь всегда как потенциальный оккупант и поработитель, посягающий на свободу и мирное, земное «счастье» советского (или русского) народа. Любую войну Советы вели исключительно под лозунгами «освобождения», создавая порой (как и их предшественники) совершенно абсурдные ситуации — вроде выполнения «интернационального долга» в Афганистане. Поэтому стоит ли удивляться, что и эта двусмысленность в конце концов разрешилась не в пользу Советской Державы: для «малого» народа мы, русские, оказались слишком большими, а для «большого» народа — слишком слабыми духом. Вяское там «за державу обидно» — всего лишь избитая метафора, слетавшая с уст безответственного филистера, который по инерции сохраняет внешнюю приверженность державным идеалам, сердцем же целиком погрузившись в «тихую заводь» обывательского благополучия.

6

Итак, как и следовало ожидать, русские патриоты-державники (называю их так условно) проповедуют на деле «автохтонную» форму патриотизма, по недоразумению (или по наивности) связывая ее с нашей духовной традицией. Как я уже сказал, в этом плане они мало чем отличаются от патриотически настроенных большевиков. Возможно, именно этим объясняется их сегодняшняя солидарность с коммунистами, несмотря на существенные (казалось бы) идеологические расхождения, которые на фоне реальных политических интересов превратились в пустую формальность.

Тем не менее сегодня можно встретить немало русских патриотов, в принципе яро отрицающих коммунистическую идеологию, мало того, возлагающих на большевиков ответственность за все мучения русской нации. Это именно те самые патриоты, которые до сих пор с восторгом отзываются о Белом Деле и считают себя его продолжателями — хотя бы на поприще идеологии. Их розовой мечтой как раз и является восстановление Российской Империи в ее традиционном, православно-монархическом облике. Но, при всем благородстве подобных намерений, абсурдность данного проекта слишком очевидна для непредвзятого анализа. Достаточно только обратить внимание на то, в каком **качестве** наши «белые» патриоты воспринимают своих антагонистов большевиков, чтобы понять, насколько утопичны их имперские замыслы.

Как я уже говорил выше, большевиков с самого начала воспринимали как **агрессивных** оккупантов, неких воинственных и деспотичных пришельцев, закабаливших

«несчастный» русский народ. То есть в отношении их использовались типично «автохтонные» мерки, как со стороны расслабленных либералов, так и со стороны самых что ни на есть ярых патриотов-державников. Нынешние «белые» патриоты оценивают сущность большевизма по тем же меркам. Большевики в их глазах — это именно оккупанты, деспоты и даже милитаристы. Мало кому из них приходила в голову та мысль, что в лице большевиков они видят восставших и обнаглевших рабов, получивших право на власть лишь благодаря преступной бездеятельности и безответственности господ. Ничего подобного! Даже сами господа, очутившись в эмиграции, гневно разоблачали красных оккупантов, безжалостно насилующих беззащитную Россию. Было даже модно проводить параллели между упоминавшимся монголо-татарским «игмом» и «игмом» большевизма. При этом лучшие из эмигрантских мыслителей, вроде Ивана Ильина, прилагали всяческие усилия к тому, чтобы снять с русского народа все подозрения насчет причастности к большевизму. Это еще больше усиливало «автохтонную» позицию русских державников, придавая ей особую моральную значимость. Как ни странно, но данная трактовка большевизма вполне соответствовала основным принципам либеральной этики: в лице Советов разоблачалось имперское мышление как таковое, и все ужасы советского режима рассматривались именно как ужасы оккупации.

Но самым интересным, пожалуй, является то, что советские идеологи, со своей стороны, столь же гневно разоблачали империализм, живописуя ужасы буржуазного строя, бесчеловечного в отношении «простого» человека. То есть большевики и их противники (как из числа западных либералов, так и из числа белоэмигрантских патриотов-державников) обвиняли друг друга в одних и тех же грехах.

Приведем в связи с этим один весьма характерный пример. Когда видный русский патриот Александр Солженицын оказался в эмиграции, то первым делом он начал предупреждать западное общество о возможной агрессии со стороны большевиков. Распространение коммунизма по планете, с точки зрения Солженицына, свидетельствует об ослаблении позиций либерального Запада. Еще немного, пророчествует он, и Запад может окончательно исчезнуть с лица Земли, уступив место ненавистным коммунистическим агрессорам (в статье «Третья мировая?..»).

Природа коммунизма, по Солженицыну, — это природа ненасытного оккупанта, попирающего все человеческие права покоренных народов. Разговоры коммунистов о мире — всего лишь уловка, призванная усыпить бдительность цивилизованного Запада. И господин Солженицын, не понаслышке знакомый с коммунизмом, проявил особе усердие, предупреждая Запад об опасности коммунистической оккупации, одновременно призывая тот же Запад к борьбе за **освобождение** поработенных коммунистами народов. Примечательно, что в то же самое время, когда русский

«пророк» Солженицын нагонял страх на западного обывателя, американский эмигрант - правозащитник Дин Рид (ныне совершенно забытый), находясь в «социалистическом лагере», разоблачал бесчеловечный буржуазный строй. Особенно доставалось, конечно же, американскому империализму, которым постоянно запугивали советских граждан — не без помощи американских же «диссидентов» вроде упомянутого Дина Рида.

Однако Солженицын по многим показателям превзошел своего американского «коллегу». «Человечество ведет себя так, как будто оно не поняло, что такое коммунизм, не хочет понять, и не способно понять» — сокрушается наш патриот («Речь в Нью-Йорке»). Особенно ркрасноречив следующий пассаж: «Но концентрируется мировое зло, ненавистое к человечеству. И оно полно решимости уничтожить ваш строй. Надо ли ждать, что оно ударит ломом в вашу границу и что американская молодежь должна будет умирать на -раницах вашего континента?» (там же). Насколько субъективны были эти опасения, показывает нынешняя действительность, когда «ломом» по нам ударила внешняя политика США. Однако параноидальные фантазии видного русского патриота только лишней раз свидетельствуют в пользу выдвинутой версии о филистерской сущности наших державников. Быть может сам Солженицын в какой-то степени и является подвижником (не случайно ведь он тянул свой срок в советских лагерях), однако та идеология, те моральные принципы и те жизненные установки, которые проповедует он и ему подобные, являются отражением чисто филистерского мироощущения. Ничто так не характеризует психологию типичного обывателя, как навязчивый страх перед внешним насилием. А кому Солженицын адресует свои предостережения? Типичным западным обывателям, более всего пекущимся о своем маленьком земном «счастье» и как огня боящимся всякой непредсказуемости.

Напомню, что еще ранее Солженицын испытывал опасения по поводу возможной китайской агрессии против СССР — о чем он даже позаботился предупредить советских вождей. Интересно, что когда-то «желтая опасность» не давала покоя русскому философу Владимиру Соловьеву. Аналогичное беспокойство испытывают теперь и наши патриоты, ожидая посягательств на свободу и независимость русского народа со стороны кого бы то ни было: тех же китайцев, арабов, турок, американцев или немцев. Замечу, что речь в данном случае идет не об объективной угрозе, а о характере реакции на нее. Реакция же патриотов чисто филистерская: вместо того, чтобы внушать своим врагам страх, они сами предпочитают бояться, уверяя при этом врагов в своем миролюбии.

Еще с 90-го года патриоты ожидают установления «ельцинской диктатуры», о чем регулярно оповещают народ. Несмотря на всю нелепость подобных прогнозов, тема «демократической тирании» в кругах видных патриотов весьма популярна. Вот еще

один штрих к портрету нашего «державника», отождествившего нравственность с безынициативностью.

7

Теперь поговорим о позитивных идеалах, точнее о тех вещах, которые по сердцу нашим патриотам. О том, чего они не хотят, мы уже сказали. Остается выяснить, чего они хотят и к чему стремятся.

Наша легендарная перестройка началась, безусловно, с шведского идеала — не с западного вообще, не с американского в частности, а именно с шведского. Америка врвалась в жизнь советского обывателя в облике развязного юнца, крикливого и заносчивого — как это и положено типичному янки. Так называемая американская культура, что обильным потоком хлынула в нашу страну, могла вызвать восхищение разве что у подростков и инфантильных интеллигентов, но никак не у людей «представительных» — будь то пожилые либералы-правозащитники или те же русские патриоты. Брызги крови, разорванные тела, раскрытые черепа, «жесткий» секс — все то, что составляет особую «прелесть» наиболее выдающихся американских фильмов, вряд ли придутся по душе нашим трепетным гуманистам, воспевающим доброту, милосердие и сострадание. Вся эта некрофильская эстетика обычно списывается на «переходный возраст», на котором янки безнадежно застряли. Во всяком случае, гуманисты пытаются не придавать всему этому серьезного значения, понимая, судя по всему, что потребители этого «культурного» садо-мазохизма рано или поздно все равно «перебесятся» и примут вид уважаемых мирных обывателей.

Так или иначе, подростковый задор американцев, с варварской непосредственностью, заимствованной у негров и индейцев, заявляющих о своих инстинктах, весьма далек от тех идеалов, которыми руководствовались «великие» демократические реформаторы России. Нам хотелось чего-то более тихого, спокойного, размеренного и, конечно же, приятного. Шведский идеал как никогда подходил нашим вожделям. Недаром у нас с такой серьезностью говорили о «шведском социализме». В общем, этот идеал устраивал почти всех, даже русских патриотов: тихая, спокойная жизнь, честный труд, домашний очаг, семейные радости и масса социальных гарантий. И не важно, было ли в самой Швеции все так хорошо, ведь любая иллюзия свидетельствует прежде всего о духовных установках. Спокойная и сытая Швеция, занимавшая наше воображение, — это был лишь символ наших влечений. Никто, собственно, и не думал о самой реальности — каждый видел в своем идеале то, чего он желал для себя лично: подростки воспевали разгульную, шумную и хамоватую Америку, поскольку это соответствовало их

«молодежному стилю», «остепенившиеся» граждане восхищались спокойной и сытой Швецией, поскольку лелеяли мечты о своем маленьком земном «счастье».

Конечно же, не в духе патриотов подражать чужим идеалам, однако ведь не важно, как конкретно обозначить идеал — важнее та суть, которую он содержит. А суть патриотического идеала наших «державников» была именно «шведской» — невзирая на конкретное обозначение. Разговоры об особенностях России касались в первую очередь пути национального развития, «метода», так сказать, а не конечного результата. Конечный же результат — это, по большому счету, и есть идеал. И если мы посмотрим, о чем мечтают русские патриоты, чего они желают своему народу, какой представляют его жизнь, то увидим, что в этом плане они почти ничем не противоречат западным либералам и всяким гуманистам.

Для начала посмотрим, как представляют себе патриоты дореволюционную Россию, которая для многих из них является утраченным идеалом, к которому они теперь хотят вернуться. Понятно, что здесь все происходит так же, как в случае со Швецией и Америкой, то есть внимание останавливается на всем привлекательном, на всем вожденном, в результате чего и возникает необходимый идеальный образ. Итак, что же привлекает патриотов в дореволюционной России?

В первую очередь это касается продуктового и товарного изобилия, которое якобы было до революции. Я еще помню как буквально лет пять-шесть назад наиболее горячие «русофилы» с апломбом настаивали на том, что дореволюционный русский крестьянин материально жил намного лучше советского колхозника. То же самое говорили и о пролетариях. Россия воображалась как королевская кухня, полная чудных ароматов и сверху донизу забитая всякими явствами. Среди патриотов было даже принято конкретно перечислять все изысканные блюда, которыми когда-то мог свободно наслаждаться русский человек (наиболее внушительные описания этих блюд принадлежат перу видного патриотического писателя Владимира Солоухина). Также было принято с восхищением описывать размеренную и сытую жизнь провинциальных русских городов, описывать пышные ярмарки и прилавки магазинов, опять-таки перечисляя обилие товаров и указывая при этом на низкие цены. В общем, Россия воображалась как подобие той же Швеции, только со своим национальным колоритом.

Таким образом, все свидетельствует о том, что даже русские патриоты, при всей своей «духовности», сосредоточены на чисто земном идеале. Какой-нибудь русский крестьянин или купец для них — это прежде всего символ устроенной мирской жизни,— стабильной, размеренной и полной всяческих материальных благ. Образ

любимой ими России есть образ материально процветающей страны, где созданы все условия для земного благополучия — и никакого Страшного Суда, никакого посмертного воздания, никаких адских мук и райского блаженства. Я еще ни разу не слышал, чтобы патриоты, намеревающиеся (по их словам) возродить православную традицию, вели сколько-нибудь серьезное обсуждение подобных вещей. Похоже, что им они придают куда меньшее значение, чем праздничному застолью русских купцов. Что же касается Святой Руси, то этот идеал имеет для наших патриотов чисто эстетическое значение. Никто из них даже толком не представляет, каким образом нужно воплощать этот идеал и жить в полном соответствии с ним. Зато всем им очень хорошо понятно, как жить в соответствии с земным идеалом сытой России.

Так называемая борьба за духовность, которую ведут патриоты со своими противниками из числа откровенно прозападной интеллигенции, сводится в первую очередь к утверждению определенных нравственных норм — без всякой идеи духовного спасения, понимаемого в ключе православной мистики. Нравственность русских патриотов — это нравственность вполне земная, как и тот идеал, который они намереваются воплотить. В прямом смысле эту нравственность можно назвать гуманистической, ввиду ее сугубо эмпирического значения. И в этом плане сегодняшняя русско-патриотическая этика вполне вписывается в систему классических духовных ценностей буржуазно-консервативного Запада. Ничего общего с православием, как мы понимаем, это не имеет. Тем более это не имеет ничего общего с идеалами подвижнической жизни, без чего, как было сказано выше, державный дух просто не мыслим. В связи с этим необходимо разобрать некоторые недоразумения, которые всегда возникают, как только речь заходит о духовности.

8

О сегодняшнем состоянии православия (как системе духовных ценностей, разумеется) стоит сказать особо. И это тем более важно, что русские патриоты, ведя свою борьбу за духовное возрождение нации, постоянно апеллируют к православию. И поскольку православные Святые отцы, на которых патриоты зачастую ссылаются, отстаивали нравственно безупречную жизнь, их сегодняшние последователи в лице упомянутых патриотов считают своим долгом оберегать русский народ от морального разложения.

Данную позицию подвергать сомнению не приходится, хотя бы только по той причине, что державность и безнравственность несовместимы. Моральное разложение всегда соответствует разложению государственному, поэтому в своей борьбе за духовность патриоты поступают совершенно логично. Однако проблема заключается в том, что

нравственность, на которой они делают такой упор,— понятие не однозначное. Нравственность православного подвижника и нравственность западного буржуа — совершенно разные вещи. Хотя с точки зрения современной морали последний (буржуа) является совершенно безгрешным существом. Это значит, что любой филистер в принципе может считаться человеком высоконравственным. И земная этика наших патриотов, даже при всем ее ригоризме, не предусматривает для подобных случаев каких-либо существенных градаций. Стало быть, под видом «православной духовности» патриоты вполне могут преподнести откровенно филистерскую мораль.

Для начала обратим внимание на тот факт, что ныне православию нас учат не подвижники — как это было несколько столетий тому назад,— а люди вполне «эмпирические» — светские клерикалы и слишком земные священники. Различие между первыми и вторыми огромно. Первые учили людей прежде всего силой личного примера, вторые учат нас одними рассуждениями. Первые отказывались от всех мирских благ и всей своей жизнью доказывали преданность Богу, вторые пользуясь всеми мирскими благами (включая и так называемые блага цивилизации — автомобили, телевизоры, радиоаппаратуру, телефоны и т. д.), в этом плане ничем не отличаясь от обычных обывателей.

Конечно, обмирщение последних нельзя еще расценивать как грех, однако, как говорил Сам Спаситель: по делам их узнаете их. И если человек, уча нравственности, уделяет столь большое внимание своему материальному благополучию, то нельзя ли предположить, что именно это самое благополучие и является для него самым важным в жизни? Быть может такие люди безупречны как обыватели, но вряд ли они безупречны как учителя и наставники. Однако если они все-таки напрашиваются на роль учителей, то что они будут воспевать, как не собственные вожделения? Ведь любой человек воспекает именно свои вожделения: православный подвижник — вожделение к Богу, философ — вожделение к познанию, неистовый романтик — вожделение к опасности, гениальный композитор — вожделение к музыке и так далее. Какие же вожделения есть у наших «учителей и наставников»? Конечно же, в первую очередь — это вожделение к тихой и размеренной жизни, к семейным радостям — короче говоря, ко всему тому, что для высоконравственного филистера составляет упоминавшееся земное «счастье»

Я не собираюсь здесь возражать против подобных обывательских вожделений,— я хочу лишь показать их полную несовместимость с державными принципами и державным духом как таковым. Насколько идеал земного «счастья» способствует подвижническим порывам — это пока еще находится под вопросом. Хотя давно известно, что подвижничество — удел идеалистов, людей, как говорится, не от мира сего. И когда патриоты пытаются совместить маленькое земное «счастье» с большой

Империей и неземной духовностью, они создают ужасающую химеру, которая, с одной стороны, является причиной плохого понимания их позиции и, с другой стороны, делает все их общественно-политические начинания слишком эфемерными.

Возьмем, к примеру, так называемые семейные радости. По всеобщему признанию, крепкая семья — опора государства. На том же настаивают и наши патриоты. Однако я утверждаю обратное: крепкое государство — опора семьи. Ибо мне известно немало случаев, когда ради семьи жертвовали государством и наоборот — когда ради государства жертвовали семьей. Так что уже из этого можно сделать вывод, что для чего в данном случае является опорой. И если патриоты на первое место ставят все-таки государство, то им необходимо крепко подумать, прежде чем идеализировать семейные радости.

Также неверно мнение о том, будто хорошими государственниками являются люди семейственные, гармоничные и морально безупречные. Факты свидетельствуют об обратном. Так, плохой семьянин Иван Грозный, прославившийся своей жестокостью и деспотизмом, расширил пределы России до самой Сибири и подавил оппозицию. Зато его сын Федор — тихий и прилежный семьянин, отличавшийся особо кротким нравом, — поставил государство на грань смуты. Другой русский царь — Николай II, также был хорошим семьянином и в общем-то добродетельным человеком, однако итогом его правления стала революция и развал Империи. А вот откровенный тиран Сталин эту Империю восстановил, хотя как семьянин показал себя с дурной стороны. И не удивительно, что в очередной раз Империю развалил безупречный генсек Горбачев, человек гармоничный и, судя по всему, семейственный.

Немаловажен уже и тот факт, что у истоков Российской Державы, как было сказано, стояли православные подвижники — люди, как мы знаем, бессемейные. Что касается традиционного понимания семьи, то, с точки зрения православия, это есть в первую очередь **бремя**, некая форма **социальной ответственности**, и уж никак не источник каких-либо житейских радостей. Последнее не есть самоцель, а скорее всего некий «побочный продукт», своего рода небольшое вознаграждение за правильную жизнь. Как учит апостольская традиция, цель брака — утоление «ярости похоти» законным образом. А это, в свою очередь, предполагает самоограничение и подчинение себя определенным нормам, ибо антитезой семьи в данном случае будет распутная жизнь. Таким образом, человек должен создавать семью не ради обретения своего земного «счастья», а исключительно в целях самоограничения и обуздания своей низшей природы. И именно там, где семейная жизнь начинает ассоциироваться с земным «счастьем», там-то и создаются все условия для распутства. Об этом, во всяком случае, свидетельствует опыт современного Запада, где апология разврата удачно совмещается с апологией счастливой семейной жизни.

Поэтому то, что проповедуют наши патриоты, с придыханием говоря о семейных радостях, есть типично буржуазный, или либеральный идеал семьи, который до сих пор господствует на Западе. Если уж говорить о нашей духовной традиции, то никому в старой России — ни крестьянам, ни купцам и ни боярам — не приходило в голову, что семья обязательно должна предполагать счастливую земную жизнь. У девушки из крестьянской семьи, которую выдвávalи замуж, это событие не вызывало никаких положительных эмоций. То же касалось и молодого жениха, прекрасно понимавшего, какое бремя он взваливает на свои плечи. Я уже не говорю о том, что православная вера вообще не настраивает человека на эмпирическое счастье, ибо главная цель верующих — спасение души, а не обретение земных радостей. Этого, к сожалению, не всегда учитывают современные поборники христианского благочестия. В их понимании так называемый «нормальный человек» — это именно человек гармоничный, который вовремя обзаводится семьей и успешно обустраивается в этом мире, то есть не обнаруживает в своей жизни и в своем поведении никаких отклонений от «нормы». Однако при таком подходе все великие православные подвижники должны были бы восприниматься как «ненормальные». Если бы отрок Варфоломей жил в наше время, то его наверняка затаскали бы по всяким психиатрическим клиникам или попытались бы более простыми способами избавиться от его «патологии», намереваясь таким образом воспитать мальчика для «нормальной жизни» (то есть для жизни типичного обывателя).

Но ведь любой человек подвижнического склада души («пассионарий») в глазах каждого филистера всегда будет человеком «ненормальным», «психом». Тем не менее любая держава возникает и живет только благодаря таким вот «психам» — людям, способным отказаться от тихих семейных радостей, от домашнего уюта, от маленького земного «счастья» — во имя каких-либо великих целей.

Патриоты, например, восхищаются легендарным русским солдатом, принесшим славу Российской Империи. Однако кем были русские солдаты, как не подвижниками на попроще войны, для которых единственным родным домом была их казарма? «Наши жены — пушки заряжены» — так, кажется, поется в одной солдатской песне. Российская армия, по сути дела, была своего рода военным братством, по аналогии с монашеством — братством духовным. Русского солдата, в принципе, мало что привязывало к миру (тем более, что родной дом для него был слишком далеко — как в пространстве, так и во времени), а потому он готов был в любой момент отдать свою жизнь во имя Державы. Боевой дух такой армии был намного выше, чем в свое время у стрелцкого войска, поскольку стрельцы (воины-профессионалы, выражаясь современным языком) наполовину были простыми обывателями, со своим уютным домашним углом, хозяйством и, естественно, пресловутыми семейными радостями. Так что Петр I, реорганизовавший армию, поступил в этом случае весьма разумно. Приведу в связи с этим и такой факт. Так, знаменитое русское казачество особой лихостью

отличалось в те времена, когда ценило одну лишь военную удачу и с презрением относилось к мирной крестьянской жизни. Привязанность же к земле оказалась для казаков роковой,— поэтому-то во время революции, вместо того, чтобы спасти Российский Престол (как того требовал долг) они начали решать свои прозаические «интересы», приняв достаточно активное участие в развале Державы.

Таким образом, «нормальный» стиль существования фактически несовместим с задачами имперского строительства. Поэтому любая апелляция к данному образу жизни как к некоему социальному идеалу чревата для Державной целостности самыми негативными последствиями. Ведь все зависит от того, в чью пользу разрешится во время критических ситуаций следующая дилемма: макромир государства или микромир семьи (или «домашнего очага»). В нашей истории эта дилемма дважды разрешалась в пользу последнего. О последствиях говорить не приходится. И большее недовольство по этому поводу испытывают именно наши патриоты-державники, но, к сожалению, ведут себя слишком противоречиво.

Для большей убедительности рассмотрим указанную ситуацию на очень характерном советском примере.

9

С чего началась Советская Империя? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, с чего начался большевизм — не как политическая партия, конечно же, а как течение духовного, психологического порядка.

Работ на данную тему написано немало. И большинство авторов, как правило, неизменно сходятся в том, что истоки большевизма коренятся в так называемом тоталитарном мышлении. Под тоталитарным мышлением обычно разумеют фанатичное следование какой-либо идее, которой подчиняется вся жизнь и с которой сверяются все поступки. Большевикам именно это, как правило, и ставится в вину. Однако при этом мало кто способен спокойно вдумываться в такой простой факт, что этот самый «тоталитаризм» и явился причиной победы большевиков над их политическими противниками.

В качестве духовных предтеч Ленина иногда называют Ткачева и Нечаева — признанных фанатиков революционной идеи. Ленин, собственно, в глобальном масштабе реализовал те этические принципы, которые сформулировали его предтечи. Обвинять советского вождя в недостатке демократизма в современной общественно-политической литературе стало уже традицией. Это справедливо как для чистых либералов, так и для русских патриотов-державников. Что касается первых, то с ними все ясно, а вот что касается патриотов, то их навязчивое морализаторство еще больше подчеркивает их филистерскую сущность. Ведь если «тоталитарное мышление» есть нечто аморальное, то всех подвижников придется обвинить в аморализме, поскольку подвижничество в принципе не мыслимо без этого самого «тоталитарного мышления». Знаменитый нечаевский катехизис — вот подлинный источник победы большевизма. В то время, когда все лелеяли мечту о свободе, покое и земных радостях, большевики горели жаждой деятельности, вытекающей не из пошлых обывательских соображений, а именно из идеи.

В общем, большевики победили только благодаря наличию у них подвижнических качеств. Про самого Ленина говорили, что он ощущал себя орудием идеи. Но ведь это лишь извращенная форма христианского подвижничества. И в этом смысле большевики в большей степени напоминали христианских подвижников, чем их противники из числа русских патриотов, которые гибли предпочли спокойную жизнь в эмиграции. И уж если в таком случае говорить о русско-сти, то нелишним будет напомнить один древний русский афоризм: «Лучше на своей земле костями лечь, чем на чужбине быть в почете». Патриоты отступились от этой заповеди, зато большевики остались на своей земле, потому и получили ее в свое владение. Поистине не осознавая того, большевики осуществляли типичную экспансию, расширяя свои владения посредством открытого вооруженного насилия. Внешне, формально, это напоминало «освобождение народа», но по существу это была типичная военная оккупация. Однако оккупация — удел господ. Этим, собственно, и объясняется становление большевистского владычества, ибо оно происходило в соответствии с естественной логикой всех социальных процессов. Противники же большевиков не обладали в досточной мере требуемыми господскими качествами, а потому вполне закономерно получили поражение.

Однако и большевизм нес в себе зародыш саморазрушения. Этим зародышем оказалось материалистическое мировоззрение, тесно связанное с «автохтонным» патриотизмом, о котором говорилось выше. В принципе, большевизм был настолько отличен от «обычной» социал-демократии, насколько он был идеалистичен, и настолько сближался с ней, насколько он следовал материалистическим установкам. Первое принесло ему победу, второе — поражение. Большевики сумели создать свою Империю только благодаря воспетому ими идеалу героической личности, и они же заложили динамит в основание этой Империи, пытаясь уравнивать своего героя с безликим обывателем. Но именно здесь, в этой характерной для всех материалистов тяге к обезличиванию, к приземлению и опошлению всего великого, выразилась внутренняя противоречивость

большевизма, последствия которой мы смогли наблюдать несколько лет назад, во время развала Союза.

Большевики прославляли героев — это верно, как верно и то, что это шло им на пользу. Подвижничество в Союзе, как мы помним, было в почете, пусть даже это было чисто мирское подвижничество, однако и оно никогда не совершалось без известной доли идеализма и одухотворенности. Но, с другой стороны, каждый подвижник, несмотря на его выдающиеся достижения, по канонам советской идеологии одновременно должен был быть «простым», или «обычным» человеком. Такова была вторая сторона героической личности. Знаменитый шахтер Стаханов, например, в изображении большевистской пропаганды — это герой и обыватель одновременно: на работе он совершает нечто сверхчеловеческое, но в быту он — такой как все: простой смертный, любящий домашний уют и семейные радости. Причем на последнем пропаганда делала не меньший акцент, чем на первом: смотрите, мол, ничего в нем сверхъестественного — обычный человек от мира сего. Интересно, что именно так изображали и великого вождя Ленина: с одной стороны, это непревзойденный мудрец и воплощение всех добродетелей, с другой — добродушный старикашка, наподобие советского дачника-пенсионера, играющего с детьми или ласкающего котенка. Как и положено типичному дачнику, Ленин, оказывается, обожал охоту, рыбалку, ходил в лес по ягоды — в общем, любил размеренную обывательскую жизнь. В детстве Ильич (опять же в изображении пропаганды) — мальчик-шалун, озорник-затейник, как, в принципе, и большинство «нормальных» детей.

Совершенно ясно, что целью советской пропаганды было устранение фактора «сверхъестественности» — с целью наделения особым статусом «простого» человека или, проще говоря, безликой массы посредственностей. Это приводило к стиранию различий между выдающейся личностью и обывателем, к полному отождествлению их природ. В результате выражение «великий человек» стало не более, чем метафорой. Однако постепенно в такую метафору превратилось и «великое государство» или «великий народ». Стоит ли этому удивляться, что со временем и то, и другое просто перестало восприниматься всерьез?

Иначе дело обстояло в старой России. Православная идеология, в отличие от идеологии большевистской, проводила четкую грань между святым и простым смертным. Если советская пропаганда стремилась подчеркнуть, насколько герой близок простому смертному, насколько он тождественен ему, то православная аскетическая литература, наоборот, стремилась показать различия между подвижником и простым смертным, причем различия принципиальные, непреодолимые. Советы пытались убедить людей в земной природе героев, Церковь же доказывала неземное, сверхъестественное происхождение святых. Девиз большевиков: «каждый может стать

героем», девиз Церкви: «что дано святому, то не дано простому смертному».

Но именно девиз Церкви и был тем камнем, на котором Спаситель завещал возводить здание. И здание Российской Державы простояло намного дольше, чем здание Советской Империи, и разрушено оно было только по причине нарушения упомянутого завета. Когда последний российский монарх стал беззастенчиво афишировать слишком земные стороны своего бытия, он мгновенно лишился сакральности и потому обрек себя на гибель, а вместе с собой — и всю Державу. Помазанник Божий не должен походить на простого смертного — вот то правило, которое проигнорировал Николай П. Цари и вожди, которые не нарушали грани между высшим и посредственным, до конца своих дней не выпускали из рук нити правления. Первые советские правители в какой-то степени следовали этому правилу, поэтому смогли удержать и власть, и могущество своего государства. И лишь после того, как из генсека Горбачева сделали «Горби» (с его полного согласия), могущество Советов пошатнулось, и Империи пришел конец.

Речь, конечно же, не идет о том, что именно последнее обстоятельство стало для Союза роковым. Нет, просто феномен «Горби», словно симптом болезни, отразил соответствующее состояние общества, которое вполне устраивал забавный и комичный «президент», нежели серьезный и суровый вождь. При таком настрое великое государство было ни к чему — Империя распалась, поскольку не нашлось тех, кто мог бы ценить величие само по себе. Однако трагикомический финал советской истории был подготовлен самими вождями и той идеологией, на которой они воспитывали свой народ, — поскольку даже появление «Горби» происходило по той же схеме, по которой некогда угрюмый мальчик Володя Ульянов превратился в веселого шалунишку-озорника.

10

Пора подводить итог. Как мы сумели убедиться, развал империй всегда происходит по единому сценарию. Российская Держава была сражена тем же недугом, что и держава Советов. Ссылаться в таких случаях на внешних врагов глупо, ибо главный враг находится внутри и представлен не только откровенными ненавистниками имперского строя, но даже его формальными сторонниками и защитниками. Тем не менее мы до сих пор рьяно набрасываемся на первых и слишком снисходительно относимся ко вторым. Однако ответственность в равной мере несут и те, и другие.

Когда в России грянула февральская революция, Престол фактически некому было защитить: те, которые по долгу своему обязаны были это сделать, предпочли сдаться на милость победителей, чем рискнуть своей жизнью. Это был поступок типичных филистеров, или тех самых «нормальных» людей, привязанных к своему домашнему очагу и семейным радостям. Добродетельные и полезные в мирное время, они неизменно становятся предателями в условиях экстремальных и непредсказуемых. Для филистера нет принципов, нет идеи — для него есть только его прозаические интересы, его маленькое земное «счастье». По существу, таким людям совершенно безразлично, кому служить и кому поклоняться. Совесткая история — наглядный тому пример. Как только большевики установили свою власть, так в стране сразу же наплодилось огромное количество «ответственных» (вернее было бы сказать — безответственных) работников — печально знаменитых советских госслужащих. Этот факт весьма показателен, поскольку новое чиновничество без особого труда отказалось от прежних, «царских» идеалов и теперь с пречистой совестью обслуживало новую власть и новую идеологию. Эмпирические интересы, как видим, оказались намного важнее принципов. Точно так же русские крестьяне, которых патриоты до сих пор считают «богоносцами», спокойно обменяли бессмертную душу на земные хлеба, позарившись на посулы безбожной власти, пообещавшей землю.

Однако Советская Империя выросла, конечно же, не на плечах беспринципного чиновничества и недалекого крестьянства. Империю создавали люди «обреченные» (в нечаевской терминологии), для которых ничего не значили идеалы семьи, домашний очаг и прочие атрибуты обывательского быта. Именно этот революционный нонконформизм с его характерным неприятием мещанства (что уже явно обнаружилось у того же Нечаева или Ткачева) лежал в основе

нового имперского самосознания. Держава Советов строилась на энтузиазме этих фанатичных безумцев, и именно они, а не рассудочные прагматики из числа «старых кадров», являлись подлинными носителями державного духа. На «старых кадров» ссылаться вообще смешно, ибо будь они в действительности настоящими державниками, Российская Империя не канула бы в лету.

Вернемся теперь к нашему дню. Чем вызван сегодняшний хаос и развал? Не тем ли, что многим захотелось своего маленького «счастья», понятного как высший смысл жизни? Уместо ли взывать к долгу, когда тот понимается как средство? Если конечной целью в течение нескольких десятилетий провозглашались домашний уют и семейные радости (вспомним хотя бы популярную версию коммунизма), то в поведении нынешних чиновников и высших государственных мужей нет ничего удивительного — все они поступают в точном соответствии с официально провозглашенными идеалами. Ибо с тех пор, как сами же коммунисты стали упирать на «народное благосостояние», энтузиасты

перешли в категорию «ненормальных» людей. Тем не менее «старые кадры» (на этот раз уже из числа коммунистов), намеревающиеся возродить дорогой их сердцу Союз, заводят ту же пластинку о «народном благосостоянии». Трудно сказать, на кого они все-таки рассчитывают. Во всяком случае, мирный обыватель, даже томимыми ностальгией по советским временам, вряд ли пожертвует своим благосостоянием и жизнью ради Империи. А учитывая тот факт, что сегодня почти все россияне — и западники, и патриоты — в той или иной степени являются типичными мирными обывателями, можно прийти к выводу, что Империя долго еще будет оставаться миражом. Ведь даже в самом распадае есть что-то от филлиггерского настроения: уйти в маленький, ограниченный, сытый мирок, чтобы спокойно и тихо наслаждаться земными радостями. В основе всех пресловутых суверенизации лежит именно эта психологическая тенденция. Так было после революции, так происходит и сейчас. А это значит, что и патриоты своим обывательским настроением только способствуют данному процессу, формально же выступая против него.

Почему, например, сегодня, некому навести порядок в стране? Не потому ли, что все эти официальные борцы с социальным хаосом больше дорожат своими личными интересами, чем интересами общества и государства? Что означает их намерение действовать (как они выражаются) исключительно в рамках закона? В переводе «действовать по закону» означает: «действовать без риска для собственной жизни и благополучия». «Законный» путь — путь безопасный, и в этом все дело. Так что не какие-то моральные принципы, а банальные соображения безопасности вынуждают наших патриотов отказаться от решительных и экстраординарных мер по спасению страны. И в этом, как ни странно, они очень близко сходятся со своими антагонистами. Что вынуждает нынешнее правительство так позорно заиасивать перед Западом и идти на не менее позорные уступки, как не те же соображения безопасности, выросшие из недр филистерского мироощущения? И не по тем ли соображениям либеральная интеллигенция так активно разрушала государство, в котором она всегда была склонна видеть источник насилия и прочих ужасов. Как видим, сегодня все повязаны одной нитью.

Ясно, что новая Российская Держава может начаться только с безумных энтузиастов, тех самых «ненормальных» людей, которых в одинаковой степени опасаются как тщедушные либеральные интеллигенты, так и румяные русские патриоты. Все хотят совершать великие дела, но при этом не хотят жертвовать и рисковать. Однако так не бывает.

Когда-то Козьма Минин, дабы спасти отечество, призвал закладывать жен и детей. Отечество в результате было спасено, а сам Минин навеки остался в памяти русских людей. Это был поступок истинного патриота, который интересы государства ставил

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ (О причинах державного распада)

Автор: О.Н. Носков
10.07.2011 11:35 -

выше обывательского благополучия. Нынешние патриоты, даже восхищаясь Мининым, вряд ли способны призвать к таким жертвам, и, судя по всему, никогда к этому не призвуют. Результат же налицо: отечество гибнет, а патриоты успевают наслаждаться семейными радостями.

Гилберт Честертон где-то писал: «Жизнь нужно любить так, чтобы быть готовым ради нее умереть». Это означает, что смерть избегает тех, кто никогда не стремится избежать смерти. Применительно к нашей ситуации это означает следующее: потери минуют того, кто решится на самую большую потерю. И наоборот: кто боится пожертвовать малым, потеряет большее. Поэтому народ, слишком дорожающий своим маленьким «счастьем», получит в итоге большое несчастье. И если патриоты сегодня так цепляются за семью, то нелишне будет им напомнить, что во время войны мужья оставляют свои семьи, своих жен и детей, и идут воевать — ради своих же родных и близких. И разве сейчас не идет война? Не патриоты ли кричат об «оккупации»?

Поэтому Россию спасут те, которые сумеют сжечь за собой мосты, чтобы отрезать путь к отступлению. Ибо у **настоящей** борьбы только два выхода — смерть или победа.

Новосибирск. Октябрь 1995.